

невосточный регион, который хоть формально и относится к азиатскому, но обладает определенной спецификой, некоторой целостностью и обособленностью.

Имея производственное предприятие в одной из стран указанных регионов белорусские компании смогут рассчитывать на беспрепятственный доступ к рынкам других стран-участниц региональных интеграционных объединений в которых состоит страна-реципиент. Более того, тесная интеграция белорусских производителей в экономическую систему одной страны позволит им рассчитывать не только на поддержку со стороны местных политических и деловых кругов в отношении внутренних закупок, но и в вопросе освоения рынков соседних государств.

По сравнению с традиционной централизованной деятельностью, когда производство осуществляется лишь в стране базирования головной компании и потом экспортируется за рубеж, предлагаемая схема организации зарубежной производственной системы имеет ряд неоспоримых преимуществ. Во-первых, перенесение комплексного производства непосредственно на территорию рынков сбыта позволит не только снизить таможенные расходы, но и значительно сократить издержки транспортировки и логистического ее сопровождения. Во-вторых, приближение процесса производства продукции к месту ее конечного потребления, позволит лучше учитывать особенности местных потребителей. Возможна даже разработка модификаций продукции, ориентированной исключительно на региональный рынок, что позволило бы значительно расширить объемы сбыта. В-третьих, ставка на крупные региональные производственные центры позволит, даже не смотря на некоторую диверсификацию производимой продукции, достигать «эффекта масштаба» ее производства.

Главным ориентиром стратегического развития отечественных производителей, все же, должно быть не достижение, во что бы то ни стало, статуса крупной ТНК, а реализация принципа максимально возможной эффективности зарубежной деловой активности. Лишь на этом базисе, по мере построения эффективной международной производственно-сбытовой и исследовательской системы, белорусские производители смогут рассчитывать на долгосрочную перспективу своего существования, повышение системной конкурентоспособности и, лишь как следствие, превращение в полноценных участников глобальной конкурентной борьбы.

УДК 338.246.027.7 + 005.416

САНАЦИЯ И БАНКРОТСТВО: СУЩНОСТЬ И КРИТЕРИИ ИХ ОЦЕНКИ

П.А. Капитула

*УО «Белорусский государственный экономический университет»,
г. Минск, Республика Беларусь*

Сложившийся в мировой практике механизм банкротства хозяйствующих субъектов является не только жестким, но и достаточно жестоким инструментом оценки как всей хозяйственной деятельности, так и прежде всего управленческой. В отечественных и зарубежных источниках понятие «банкротство» отождествляется с понятием «экономическая несостоятельность», что вряд ли можно считать обоснованным.

Экономическая несостоятельность есть явление экономическое, тогда как банкротство - сугубо правовая форма отражения этого явления, так как хозяйствующий субъект признается банкротом только хозяйственным (арбитражным) судом. Экономическая несостоятельность (банкротство) трактуется, как неспособность удовлетворять (выполнять) следующие законные требования:

1. кредиторов по денежным обязательствам;
2. государства по обязательствам в форме налогов и сборов;

3. физических лиц по обязательствам, которые вытекают из трудовых отношений и связанных с ними отношений;
4. поддерживать объем собственного капитала на уровне не ниже нормативного размера учредительного капитала.

В трактовке неспособности поддерживать собственный капитал речь идет не о способности или неспособности как формы отражения и существования потенциала, а о конкретном, нормативном соотношении собственного капитала и установленного законодателем норматива учредительного капитала. Это соотношение является четким критериальным признаком банкротства, который вовсе не нуждается в употреблении понятия «неспособность». Хозяйствующий субъект признается банкротом, если отношение норматива учредительного капитала к собственному капиталу больше единицы, или собственного капитала к нормативу учредительного капитала меньше единицы. Не трудно так же заметить, что неспособность удовлетворять законные требования кредиторов, государства и физических лиц рассматривается только как форма отражения и существования потенциала, так как не содержит четкого критериального признака этой неспособности.

Неспособность платить по законным обязательствам в реальной деятельности имеет форму просроченной задолженности. Логично задаться вопросом: является ли любая просроченная задолженность основанием для признания хозяйственного субъекта банкротом?

Экономическая наука и хозяйственная практика дают отрицательный ответ на поставленный вопрос. Научная мысль и законодательная практика сошлись на том, что неплатежеспособность, а точнее, просроченная задолженность, должна иметь устойчивый характер. Логично задаться вопросом: по какому признаку можно судить об устойчивом или неустойчивом характере просроченной задолженности?

Законодательство Республики Беларусь и стран – членов СНГ четкого и однозначного ответа на этот вопрос не дает. Правовая оценка устойчивого характера просроченной задолженности без четкого признака оцениваемого явления по своей сути есть правовой беспредел. Хозяйственный суд должен руководствоваться четким критерием банкротства, а не субъективно- психологическими оценками судей, кредиторов, государственных чиновников, привлекаемых экспертов, конкурсного(антикризисного) управляющего. Суд должен оценивать рассматриваемое явление, т.е. банкротство, а не трактовать его. Последнее является уделом исследователей и экспертов. Использование судом субъективно- психологических оценок открывает широкое поле для коррупции и рейдерства. Если нет четкого и однозначного признака банкротства, то нет и четкого признака, по которому можно было бы отличить добросовестного и законопослушного конкурсного управляющего, государственного чиновника и привлекаемого эксперта от соучастника преступной группы по вымогательству взятки или захвату (присвоению) чужого имущества.

Выяснение устойчивого характера просроченной задолженности должно быть прежде всего внутренним делом конфликтующих сторон. Для этого у них вполне достаточно времени, которое может быть и больше и меньше продолжительности так называемого «защитного периода». При этом их никто не торопит. Однако, существует и четкий признак, который указывает, что выяснение характеров должника и кредитора закончилось. Таким признаком является обращение кредитора в общий или хозяйственный суд с иском о принудительном взыскании с должника его задолженности в пользу истца. И если должник в течение отведенного ему судом времени не исполнит решение суда о принудительном взыскании просроченной задолженности, то он становится и для истца, и для суда злостным неплательщиком по своим обязательствам, то есть должником с устойчивым характером просроченной задолженности.

Итак, безуспешная попытка принудительного взыскания просроченной задолженности по обязательствам, или факт неисполнения должником постановления общего или хозяйственного суда о принудительном взыскании просроченной задолженности является четким и

единственным сущностным признаком банкротства хозяйствующего субъекта. Именно этот правовой сущностный признак, а не экономическая несостоятельность, проявляющаяся только в наличии просроченной задолженности, выступает критерием для суждения и принятия решения о банкротстве.

Следовательно, банкротство хозяйствующего субъекта есть правовая форма отражения безуспешной попытки кредиторов, государства и физических лиц принудительного взыскания с должника просроченной задолженности, а так же нормативного по праву, т.е. установленного законодательством, соотношения собственного капитала и норматива объема учредительного капитала.

Справедливости ради заметим, что действующее законодательство так же рассматривает безуспешную попытку принудительного взыскания просроченной задолженности как одно из множества других оснований, но только для подачи заявления в хозяйственный суд.

В мировой хозяйственной практике совет кредиторов, включая государство, или только государство на стадии конкурсного производства нередко изменяют свои требования о признании хозяйствующего субъекта банкротом на требование о его принудительном финансовом оздоровлении, т.е. санации. При этом кредиторы руководствуются своими экономическими интересами, а государство учитывает еще и интересы наемных работников в форме сохранения рабочих мест и поддержания уровня занятости.

Решение кредиторов или только государства о замене банкротства с ликвидацией хозяйствующего субъекта на банкротство его собственника, т.е. санацию, должно быть обосновано. И обосновано, во-первых, решением совета кредиторов о реструктуризации не только просроченной задолженности, но и предстоящих платежей. Во-вторых, решением о конкурсной продаже долговых обязательств санлируемого предприятия. В-третьих, инвестиционным соглашением между советом кредиторов и стратегическим инвестором санлируемого предприятия.

Очевидно, что и конкурсная продажа долговых обязательств, и поиск стратегического инвестора предполагают наличие права участия в конкурсном производстве любых юридических лиц, а не только правовую озабоченность профессионального конкурсного управляющего. У хозяйственного суда нет и не может быть иных оснований для принятия решения о замене банкротства на санацию. Правовой механизм, в котором хозяйственные суды наделены правом самостоятельно принимать решения о замене банкротства на санацию, нельзя признать состоятельным как с научной, так и практической точек зрения.

Замена банкротства санацией вовсе не означает, что проблема финансового оздоровления по решению хозяйственного суда должна решаться только на стадии банкротства. Санация есть самостоятельное экономическое явление. А как самостоятельную экономическую проблему ее следует решать еще на стадии поиска эффективного, социально- ответственного и законопослушного собственника.

Действующими нормами международного частного права и гражданского права стран – членов СНГ закреплено, что субъектами обязательственного права являются должник и кредитор. Отсюда логически следует вопрос: почему только кредиторы обладают законным правом на защиту от должника своих материальных интересов, а инвесторы такого права лишены? Вполне логично на него ответить так: потому, что должник с ролевой функцией члена исполнительного директории (совета директоров) или члена наблюдательного совета и инвестор с ролевой функцией учредителя (соучредителя) – собственника (сособственника) может быть одним и тем же физическим лицом. А признавать самого себя своим должником нелогично.

Однако вполне логично считать эффективным того собственника, который ежегодно получает дивидендный доход в размере не ниже общепризнанной безрисковой 3-ех процентной ставки реального дохода на собственный денежный капитал. При этом будут выплачены налоги на прибыль, из прибыли и на дивидендный доход.

Вполне логично считать эффективного собственника в меру социально- ответственным и законопослушным. Ведь при наличии огромного множества методов сокрытия прибыли и незаконного обогащения собственник использовал законные способы удовлетворения своих материальных интересов, а налоговые платежи и использование части чистой прибыли на развитие производства и социальные нужды трудового коллектива есть вполне достаточные признаки его социальной ответственности.

Формально право инвестора на дивидендный доход вступает в глубочайшее противоречие с общеизвестными и общепризнанными принципами коммерческого расчета. Рентабельность и окупаемость собственных средств, авансированных в производство, материальная заинтересованность и ответственность собственника вместо руководства к действию превращаются в пустые лозунги.

В условиях преимущественно коллективной формы организации бизнеса отсутствие законного права соинвесторов и обладателей народных акций на защиту своих материальных интересов, мало сказать, аморально. Это даже преступно, так как порождает условия для совершения различного рода преступлений. Можно, конечно, спрятать голову в песок и не замечать, что между соучредителями - соинвесторами, а так же между учредителями и соучредителями, с одной стороны, и исполнительной дирекцией и менеджментом, с другой стороны, как правило, ведется упорная и ожесточенная борьба за контроль над финансовыми потоками. Ведь всем известно, что реальным собственником является тот, кто управляет финансовыми потоками, а не тот, кто формально является собственником. Контроль за финансовыми потоками используется для незаконного присвоения значительной части, а нередко и всей прибыли.

Отсутствие правовой защиты материальных интересов инвесторов неизбежно порождает у менеджмента стремление к минимизации налоговых выплат путем занижения налоговой базы. Возможности такой минимизации налоговых выплат в современной рыночной экономике почти беспредельны. Эти возможности реализуются посредством общеизвестного механизма трансфертного ценообразования, суть которого сводится к занижению цен на реализуемую продукцию и завышению цен на покупную продукцию производственно-технического назначения. Этот механизм позволяет лицам, контролирующим финансовые потоки, получать огромные взятки, или так называемые «откаты», и почти легально экспортировать теневой капитал в форменные зоны, которые стали официальным прибежищем для теневого капитала.

Собственник, который не способен обеспечить хотя бы минимальный дивидендный доход на собственные средства, не должен иметь ни морального, ни тем более законного права быть таковым. Собственник должен быть объявлен банкротом, а коммерческая структура должна быть подвергнута санации. Тот, кто имеет денежный капитал, но не способен быть эффективным и социально- ответственным собственником, может спокойно занять свое место в кругу рантье или (и) биржевых спекулянтов.

УДК 331.1

ВНЕДРЕНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ: РАБОТА С КАДРАМИ

С.В. Карпенко, Е.В. Прокофьева

*Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
Гомельский торгово-экономический колледж Белкоопсоюза,
г. Гомель, Республика Беларусь*

Проект внедрения корпоративной информационной системы (КИС) включает три этапа, проблемы которых обусловлены недостаточной проработкой кадровых вопросов. Это